

Ахметилова Дженнет Магомедовна

ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО СООТВЕТСТВИЯ В КУМЫКСКОМ

Статья посвящена анализу синтаксических функций возвратных местоимений в кумыкском и русском языках. Автор доказывает, что выражение возвратности как грамматической категории в кумыкском языке сосредоточено в структуре глагольной и отглагольной словоформы, тогда как в русском языке это значение может передаваться и с помощью возвратного местоимения "себя".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 42-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

В источниках зафиксированы прототермины уголовного права типа *иирээн* 'раздор, ссора' [5, с. 952], *дьүүл* 'разбирательство, суд, приговор' [Там же, с. 871], *бэһиэччик* 'посельщик' [Там же, с. 445], *буруй* 'вина, преступление' [Там же, с. 568], *буруйдаах* 'преступник' [Там же, с. 569], *буруйданааччы* 'обвиняемый, подсудимый' [Там же], *буруйдааччы* 'обвинитель' [Там же], *саа* 'лук' [3, с. 74], *оноҕос* 'стрела' [Там же], *албас* 'хитрость, уловка, обман' [5, с. 70], *бэрик* 'взятка' [Там же, с. 438], *быһах* 'нож' [Там же, с. 633], *кыттыгас* 'соучастник' [3, с. 106], *кэрэһит* 'свидетель' [Там же, с. 168], *уоруйах* 'вор' [Там же, с. 154], *уоруу* 'кража, воровство' [5, с. 3046], *талабыр* 'грабеж' [3, с. 154], *таһыыр* 'наказание розгами' [5, с. 2600], *дьэҥсик* 'суд, выслушав жалобу истца, посылает особого человека (его якуты называют *дьэҥсик*) к ответчику звать его на суд' [3, с. 168], *туоһу* 'свидетель' [Там же], *түөкэй* 'обман, мошенничество, лукавство' [5, с. 2900], *түөкүн* 'вор, мошенник' [Там же, с. 2901], *мэктиэһит* 'поручитель' [3, с. 100], *сымыйаччы* 'лжец, лгун, вун' [5, с. 2461], *сымыйа* 'ложь, неправда, вранье' [Там же, с. 2460], *сылтах* 'причина' [Там же, с. 2450], *албын* 'лукавство, обманщик, мошенник' [Там же, с. 71], *дьэбэлэй* 'заявление, донос' [Там же, с. 805], *дьэҥдьиш* 'обыск' [Там же, с. 810], *ороспуой* 'разбой, разбойник' [Там же, с. 1872], *өлүк* 'труп' [Там же, с. 1939], *өлөрсүү* 'убийство' [Там же, с. 1935], *өлөрүү* 'казнь' [Там же, с. 1936], *өлөрөөччү* 'убийца' [Там же, с. 1935], *халабыр* 'похищение, грабеж' [Там же, с. 3256], *хаайыы* 'лишение свободы, арест' [Там же, с. 3247], *хаайыылаах* 'узник, арестант' [Там же] – всего 37 наименований.

Таким образом, из выбранных нами источников выявлено 158 юридических прототерминов донаучного периода. Из них извлечено 71 наименование прототерминов гражданского права, преобладающих в количестве, это свидетельствует о том что, в XVIII-XIX вв. народ саха испытывал влияние феодально-патриархального строя. Донаучных прототерминов уголовного права мы насчитали 37 наименований, а прототерминов обычного права извлечено 50 наименований. Дореволюционные источники свидетельствуют о том, что еще в то время была заложена основа для формирования юридической терминологической лексики якутского языка.

Список литературы

1. **Барихин А. Б.** Большая юридическая энциклопедия: более 30000 терминов и определений. М.: Книжный мир, 2010. 960 с.
2. **Гринев-Гриневич С. В.** Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
3. **Кочнев Д. А.** Очерки юридического быта якутов // Известия ОАИЭ. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1899. Т. 15. Вып. 5-6. С. 1-177.
4. **Малько А. В.** Правоведение: учебник для студентов неюридических вузов. М.: Кнорус, 2010. 400 с.
5. **Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка / под ред. Д. Д. Попова, В. М. Ионовой. СПб.: Наука, 2008. 3858 с.

PRE-SCIENTIFIC JURIDICAL TERMINOLOGICAL VOCABULARY IN THE YAKUT LANGUAGE

Andreev Evgenii Semenovich
Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ambra141286@mail.ru

The article for the first time examines pre-scientific juridical terminological vocabulary of the Yakut language as a basis for the origin of the modern terminological meaning in the juridical terminological vocabulary. The author argues that the basis for the juridical terminological vocabulary began to form in the vocabulary of the Yakut language of pre-scientific period. Juridical words-terms of pre-scientific period are analyzed according to the following law branches: civil law, common law and criminal law.

Key words and phrases: Yakut language; pro-terms; terms; narrowly sectoral terminology; civil law; common law; criminal law.

УДК 8

Статья посвящена анализу синтаксических функций возвратных местоимений в кумыкском и русском языках. Автор доказывает, что выражение возвратности как грамматической категории в кумыкском языке сосредоточено в структуре глагольной и отглагольной словоформы, тогда как в русском языке это значение может передаваться и с помощью возвратного местоимения «себя».

Ключевые слова и фразы: местоимение; кумыкский язык; русский язык; синтаксическая функция; семантический разряд.

Ахметилова Дженнет Магомедовна, к. филол. н.
Дагестанский институт народного хозяйства
tataeva1801@mail.ru

ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО СООТВЕТСТВИЯ В КУМЫКСКОМ

К теме возвратных местоимений в разное время обращались Ф. И. Буслаев, А. Мейе, А. М. Пешковский, О. Н. Трубочев, М. В. Федорова, Е. В. Падучева, А. Тимберлейк, М. А. Шелякин, представители Казанской

лингвистической школы и др. Из исследований последнего времени можно отметить работы А. В. Кравченко, Е. В. Корневой, Г. И. Берестнева. Изучение велось в рамках сравнительно-исторического языкознания, синтаксического направления, теории референции, сопоставительной лингвистики, когнитивного подхода, теории функционально-семантических полей.

Возвратные местоимения – семантический разряд местоимений, объединенный общим семантическим признаком «отношение к лицу (лицам) или предмету (предметам), которые являются объектом своего собственного или взаимного действия» [24, с. 247].

Возвратное местоимение-существительное *себя* указывает в предложении на предмет, выступающий в качестве объекта собственного действия или состояния: *Но он тут же обвинил себя* [17, с. 204]; *Безвинным я себя не мню* [16, с. 126]; *Этой горестной полуулыбкой Ты оплакала себя давно* [21, с. 264]; *И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде под бирюзовым осенним небом* [7, с. 64]!

Специфика возвратного местоимения состоит в том, что оно не имеет форм рода и числа, склоняется, но не имеет формы именительного падежа (Р.п. – *себя*, Д.п. – *себе*, В.п. – *себя*, Т.п. – *собой*, П.п. – *о себе*), относится ко всем трем лицам, например: *Я взял себе*; *Ты взял себе*; *Он взял себе*; *Мы взяли себе*; *Вы взяли себе*; *Они взяли себе*.

В кумыкском языке нет соответствующего местоимению *себя* возвратного местоимения. Значение его передается определительным местоимением *оьз* с аффиксом принадлежности в соответствующих косвенных падежах, например:

Я взял себе / *Мен оьзюме алдым.*

Ты взял себе / *Сен оьзюнге алдынг.*

Он взял себе / *Ол оьзюне алды.*

Мы взяли себе / *Биз оьзюбюзге алдыкъ.*

Вы взяли себе / *Сиз оьзююзге алдыгъыз.*

Они взяли себе / *Олар оьзюне алдылар.*

Мен оьзюм яшланы кеп сюемен [15, с. 37]... / «Я сам детей очень люблю» (здесь и далее перевод автора – Д. А.); *Мен айтганман, оьзюмню сёзюме оьзюм жаван да беремен* [10, с. 14]. / «Я говорил и за свои слова я отвечаю»; *Мен оьзюм де талчыгъаман* [2, с. 53]. / «Я сам тоже переживаю».

Возвратное местоимение *оьз* / «сам» в кумыкском языке подвергается субстантивации. В результате субстантивации данное местоимение может иметь полную парадигму форм принадлежности: *оьзюм* / «я сам», *оьзюбюз* / «мы сами», *оьзюнг* / «ты сам», *оьзююз* / «вы сами», *оьзю* / «он сам», *оьзлер* / «они сами» [9, с. 274].

Возвратные местоимения в сопоставляемых языках выполняют анафорическую функцию. Предмет, на который указывает возвратное местоимение, может занимать не только позицию субъекта предложения, но и другие синтаксические позиции. Как правило, возвратное местоимение *себя* употребляется по отношению к именам лиц и личным местоимениям.

Ср.: *Заезжая на мельницу в Прорыв, хитрый немец никогда не забывал захватить и ребятишкам игрушек, и невестке какой-нибудь пустяковый подарочек. Себя в убыток не введет и другим удовольствием доставит* [10, с. 31]; *Себя Маргарита видеть не могла, но она хорошо видела, как изменился мастер* [6, с. 136].

Юртдан гелтирип, яшлар кьошну кьырыына бир шайлы ит де байлады. Оьзю шайлы буса да, итти аты кьолайсыз эди [10, с. 11]. / «Дети привели из села какую-то собаку и привязали к шалашу. Хотя собака выглядела хорошо, ее кличка была некрасивая».

В русском языке реже употребляются возвратные местоимения по отношению к неодушевленным существительным: «Казимир Станиславович выехал из Киева в Москву восьмого апреля, по чьей-то телеграмме, заключавшей в себе только одно слово: “десятого”» [7, с. 73].

В кумыкском языке местоимение *оьзюм* / «себя» употребляется только по отношению к лицу. *Лайла буса, шо алатолпанда оьзюм ойламай, ол авлетлерини гьакъында ойлаша* [11, с. 39]. / «Лайла же в этот ураганный день о себе не думает, она думает о своей семье»; *Янгы хабар оьзюм бек гьалеклендирген Ильяс кьыргьа чыкъмагъа суйдю* [4, с. 19]. / «Ильяс, сильно расстроенный после новостей, захотел выйти на улицу».

Взаимно-возвратное местоимение-существительное *друг друга* указывает на субъекты, каждый из которых является носителем действия и вместе с тем объектом этого же действия другого субъекта [22, с. 63].

В кумыкском языке данному местоимению соответствует слово *бир-бирине* / *бири-бирине* / «друг другу». *Аврулар, ачлыкъ, насипсиз яшлыкъ – булар барысы да, бир-бирине байланган* [5, с. 27]. / «Болезни, голод, несчастливое детство, – все это связано друг с другом».

Взаимно-возвратное местоимение семантически напоминает возвратное местоимение *себя*, но в отличие от него указывает на разные объекты, тождественные носителям одного и того же действия. Изучая семантическую сущность взаимно-возвратного местоимения *друг друга*, М. А. Шелякин справедливо отмечает, что «семантическая близость взаимно-возвратного и возвратного местоимений обнаруживается также в том, что первое местоимение в форме творительного падежа и дательного падежа синонимично второму с предлогом между: *Они о чем-то оживленно говорили друг с другом / между собой. Эти отрезки равны друг другу / между собой*» [22, с. 63]. В кумыкском языке такой близости между рассматриваемыми разрядами местоимений нет.

Встречается разговорный вариант взаимно-возвратного местоимения *друг друга* – *друг дружку*. *И любят друг дружку, водой не разольешь* [10, с. 19]; *Мужуку дай волю, так ведь у нас друг дружку передавят, истинный Господь* [13, с. 63]; *«Морозка!» – крикнул Бакланов вслед уезжавшему. «Вы все-таки не теряйте друг дружку из виду»* [18, с. 141].

Местоимение *себя* в русском языке не имеет морфологической категории рода, числа, формы именительного падежа единственного числа и падежных форм множественного числа. Поэтому продуктивность его использования в речи намного ниже, чем других местоимений.

В кумыкском языке возвратность репрезентируется глагольной формой. «Основная роль при этом отводится залоговым формам глагола – возвратному залого. В кумыкском языке возвратный залог образуется чаще всего от основ переходных глаголов. Основным залоговым значением возвратного залога является обозначение действия, направленного на его производителя, замыкающегося в субъекте» [9, с. 274].

Возвратное местоимение *себя* в предложении выступает в роли дополнения (1), реже – обстоятельства (2).

1. *Но, задав себе этот вопрос, я, кажется, немедленно заснул, как дитя в колыбели* [17, с. 28].

2. *Митя шел в сквозной тени аллеи и далеко видел вокруг себя кудрявые белоснежные ветви* [7, с. 238]; *Она доверчиво поглядывала вокруг себя, и можно было заметить, что Николай Петрович успел уже полюбить ее без памяти* [17, с. 154].

Возвратное местоимение *друг друга*, как и *себя*, способно функционировать в качестве:

а) дополнения: *Играли на разбитых фортепиано, дрались на перекрестках, давили друг друга в трамваях* [6, с. 136];

б) обстоятельства: *Мы провели чудесные четверть часа в неумолкаемой болтовне, сидя друг возле друга в бальных туалетах* [7, с. 74];

в) части определения: *Нечуткая Анна Ивановна не пыталась проникать в тайники детских душ, не до этого было за большим хозяйством, – оттого и выросли брат с сестрой чуждые друг другу, разные по характерам, непохожие на родных* [23, с. 126].

Возвратные местоимения *свой* и *друг друга* выполняют роль определения, указывающего на принадлежность: *Ведь Линда и сэр Энтони подтверждают слова друг друга* [1, с. 198].

Кроме того, местоимение *друг друга* может выполнять роль несогласованного определения в составе предложно-падежного сочетания, а также являться частью составного именного сказуемого: *Они встали друг напротив друга: Данила в одной рубашке, Пикин же раздеваться поленился – очевидно, не сомневался, что и так легко совладеет с противником* [3, с. 117]; *Прошли в просторный овальный кабинет, сели к длинному зеленого сукна столу напротив друг друга* [Там же, с. 134].

В кумыкском языке возвратное местоимение *бир-бирин* // *бири-бирин* / «друг друга» выполняет только функцию дополнения: *Орамлар булан бир-бирин англама амал этелер* [25, с. 46]. / «Мимикой, знаками помогают друг друга понять»; *Тек оланы юреклери, геземек учун туюл, бири-бирин гёрмек учун алгъасай эди* [19, с. 49]. / «Однако их сердца спешат не гулять, а увидеть друг друга».

Таким образом, сопоставительный анализ возвратных местоимений в кумыкском и русском языках показал наличие общих и специфических особенностей в их функционально-семантическом потенциале. Общим признаком является то, что возвратные местоимения в сопоставляемых языках выполняют анафорическую функцию. Специфика русского возвратного местоимения состоит в том, что оно не имеет форм рода и числа, склоняется, но не имеет формы именительного падежа, относится ко всем трем лицам. Кумыкские возвратные местоимения имеют полную парадигму падежных форм. В кумыкском языке представлено возвратное местоимение *оьзюн* / «себя», которое используется только по отношению к лицу. Русские возвратные местоимения обладают большим многообразием синтаксических функций.

Список литературы

1. Абдуллаев Ч. Путь воина: Роман. М.: Эксмо, 2001. 384 с.
2. Абуков М. А. Яшавну ахыры ёкъ. Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1969. 234 с.
3. Акунин Б. Внеклассное чтение: в 2-х т. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. Т. 1. 382 с.
4. Альбериев Ш. Сержантны хабары. Магъачкъала: Дагучпедгиз, 1956. 2016 с.
5. Атаева З. Юртумену къатынлары. Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1980. 269 с.
6. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Мир книги, 2006. 480 с.
7. Бунин И. А. Темные аллеи. Жизнь Арсеньева. М.: Дрофа, 2009. 511 с.
8. Гаджихмедов Н. Э. Кумыкское словоизменение в сравнительном освещении. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 460 с.
9. Гаджихмедов Н. Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала: Юпитер, 2000. 380 с.
10. Керимов И. Магъач. Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1962. 310 с.
11. Мантаева У. Биринчи язбаш. Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1988. 320 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка / ред. Шведова Н. Ю. М.: Русский язык, 1989. 924 с.
13. Пастернак Б. Доктор Живаго. М.: Книжная палата, 1989. 431 с.
14. Русско-кумыкский словарь / сост.: Б. Г. Бамматов, Н. Э. Гаджихмедов и др. Махачкала: ДНЦ РАН, 1997. 684 с.
15. Салаватов А. Айгъази. Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1985. 196 с.
16. Толстой А. К. Драматическая трилогия; стихотворения. М.: Художественная литература, 1982. 462 с.
17. Тургенев И. С. Избранное. М.: Современник, 1979. 368 с.
18. Фадеев А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Советский писатель, 1986. Т. 1. 275 с.
19. Хангишиев М. Рашит булан Разият. Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1976. 180 с.
20. Хангишиев М. Чубурув бойларда. Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1954. 205 с.
21. Цветаева М. Стихотворения. Поэмы. М.: Художественная литература, 1989. 447 с.
22. Шелякин М. А. Русские местоимения: Значение, грамматические формы, употребление. Тарту: ТГУ, 1986. 63 с.

23. Шолохов М. Судьба человека. Поднятая целина. М.: АСТ, 2011. 813 с.
 24. Энциклопедия «Русский язык» / гл. ред. Ю. Н. Караулов. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 721 с.
 25. Ягьяев М. Оьлумден уьст болгъанлар. Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1968. 268 с.

REFLEXIVE PRONOUN IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND ITS ANALOGUES IN THE KUMYK

Akhmetilova Dzhennet Magomedovna, Ph. D. in Philology
 Dagestan State University of National Economy
 mamaeva1801@mail.ru

The article aims to analyze syntactic functions of reflexive pronouns in the Kumyk and Russian languages. The author argues that manifestation of reflexivity as a grammatical category in the Kumyk language is accumulated in the structure of verbal and deverbal word-form while in the Russian language this meaning can be transferred also by the reflexive pronoun “oneself”.

Key words and phrases: pronoun; Kumyk language; Russian language; syntactic function; semantic category.

УДК 8.81; 81.01

Статья посвящена проблеме описания среднеанглийского специального словаря в формате номинаций-композигов на примерах терминосистемы номинаций типов судов (кораблей) в среднеанглийском языке. Подчеркивается «национальная» – преимущественно французская тенденция структурно-семантического оформления номинаций на фоне их интенсивного появления в среднеанглийском морском глоссарии.

Ключевые слова и фразы: гиперо-гипонимия; номинации-композигов; контекстуальная значимость; номинативная персонификация; семантический признак; родовая лексема; денотат; двуплановый подход; корневая лексема; лексико-семантический вариант.

Балтачев Владимир Геннадьевич, к. филол. н., доцент
 Ижевская государственная сельскохозяйственная академия
 genizh@yandex.ru

О «НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ» КОМПОЗИТНЫХ НОМИНАЦИЙ СУДОВ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В представленных ранее публикациях на предложенную выше тематику древне и среднеанглийские номинации судов (кораблей) при всём разнообразии способов их историко-семантического образования рассматривались по «национальной» отнесённости как германские, или как заимствованные (преимущественно латинские) *одноставные (корневые)* лексемные образования [2]. При этом в качестве родовых понятий главным образом функционировали древнеанглийские (далее – др.а.) имена *bot (bat)* / «лодка, небольшое судно» > ср.а. *bat(e)*; ср. совр.а., *boat*, и др.а. *skip* > ср.а. *ship*; ср. совр. англ. *ship* / «корабль, судно для длительных морских плаваний, перевозок и т.п.».

В каждый отдельный период функционально детерминированного развития данной лексической единицы могут быть представлены её лексико-семантические варианты, не поддающиеся определению, что весьма затрудняет её исследование.

Так, в исторических хрониках обоих периодов регулярно встречается ещё одно морское именование – др.а. *cræft* > ср.а. (*cræft*) *craft*; ср. совр.а. *craft*, являющееся, на первый взгляд, гиперонимом, который, как и следует в таких случаях, выделяется морфологической нечленимостью своей основы. Однако данные как ранних, так и более поздних документальных и лексикографических источников, не подтверждают родовую принадлежность данного именованного по той простой причине, что его семантический континуум не содержит поясняющих – они же понятийные – семантических признаков или сем, которые позволили бы говорить о нём как об имени-гиперониме класса средств водного транспорта в др.а. периоде с присущими ему видовыми характеристиками.

Автор данной статьи солидарен с теми историками английского языка, которые рассматривают эту номинацию прежде всего, как *широкозначную*, то есть как номинацию с высокой степенью обобщённости и потому сочетающую в своей семантике множество нерелятивных лексико-семантических вариантов, свидетельствующих о древности её происхождения и возможностях её не просто широкой, но в определённой степени *свободной* языковой комбинаторики. Это, на наш взгляд, одна из главных причин встречающихся сложностей в определении комбинаторных – контекстуальных – значений др.а. лексемы *cræft*.

Согласно данным Дж. Босворта, первоначально др.а. лексема *cræft* могла обозначать физическую силу или умственные способности: *On ðam gefeohte Mæda cræft gefeól.* / «В той битве вся сила Methes'a иссякла». *His ágnes cræftes.* / «На свою собственную силу». *Mid eallum hiora cræftúm.* / «Со всеми своими силами» [3].

Этой же лексеме приписывают группу понятий, близких по семантике выше названным: в контексте могли чередоваться значения, связанные со сноровкой, ловкостью, хитростью, даром, талантом и способностями. *Da yfelan næfre habbaþ nænne cræft.* / «Безбожники никогда не имеют никаких способностей» [Ibidem].